

**СМЕШНЫЕ
ДЕТЕКТИВЫ**

В компании с ироническими детективами

ЕЛЕНЫ ЛОГУНОВОЙ

всегда весело!

**Читайте о похождениях тележурналистки Елены
и ее боевой подружки Ирки, способной справиться с любым злодеем:**

Принц в неглиже
Везет как рыжей!
Конкурс киллеров
Кляча в белых тапочках
Секретная миссия Пиковой дамы
Звезда курятника
Снегурка быстрой заморозки
Коктейль из развесистой клюквы
Красота спасет мымр
Кукиш с икоркой
Брак со стихийным бедствием
Любовные игры по Интернету
Стрела гламура
Афродита размера XXL
Шопинг с Санта-Клаусом
Последний путь под венец
Наследница Шахерезады

**Наслаждайтесь приключениями
потомственной авантюристки Индии Кузнецовой:**

Суперклей для разбитого сердца
Дефиле озорных толстухек
Шоу секс-символов
Молилась ли ты на ночь?
Банда отпетых дизайнеров
Статуя сексуальной свободы
Спокойно, Маша, я Дубровский!
Руссо туристо, облик морале
На сеновал с Зевсом
Рука и сердце King-Конга
Декамерон по-русски
Ванна с шампанским
Кактус Нострадамуса
Свидание на пороховой бочке

**Непринужденно и весело
решайте детективные головоломки вместе с Тяпой Ивановой:**

Хижина тети Томи
Круговорот парней в природе
Напиток мексиканских богов
12 невест миллионера

**Распутывайте хитроумные загадки
с отважной учительницей Олей Романчиковой:**

Фотосессия в жанре ню
Бонд, мисс Бонд!
В костюме голой королевы

Елена Логунова

Наследница
Шахерезады

Москва 2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л69

Разработка серийного оформления *Д. Сазонова*

В оформлении обложки использована работа
художника *В. Остапенко*

Логунова, Елена Ивановна.

Л69 Наследница Шахерезады : [роман] / Елена Логунова. — Москва : Эксмо, 2015. — 288 с.— (Смешные детективы).

ISBN 978-5-699-82301-7

Бывают люди, которых буквально преследуют приключения! Волею судеб застрыв в транзитной зоне венского аэропорта, журналистка Елена случайно нашла труп, а потом еще один... В одиночку она ни за что не справилась бы с лавиной неприятностей, но, к счастью, рядом с ней оказалась верная подруга Ирка! Правда, у Ирки свои проблемы: кто-то похитил ее чемодан, однако вскоре выбросил его в людном месте... А потом ценный груз снова пропал! Снегопад, из-за которого были задержаны десятки рейсов, прямо-таки вынудил подруг немедленно приступить к поискам убийцы и вора, ведь чем еще могут заниматься две порядочные женщины в ожидании летной погоды!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Логунова Е., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-82301-7

23 января, 18.15

Из динамиков потекли волшебные звуки вальса Штрауса.

— Парампампампам! Пам-пам! Пам-пам! Опаздываем! Минут! На два... — Мой внутренний голос зачастил, машинально стараясь попасть в такт музыке. — Парампампампам... Пампампам! Не успе! Ю пе! Ресесть! Парарарарам!!!

Бравурный аккорд ознаменовал посадку, пассажиры в салоне лайнера заплодировали.

Я беззвучно выругалась.

На стыковку в Вене у меня было тридцать минут, осталось десять. За окошком виден был подкативший автобус, значит, пассажиров не выпустят по «рукаву» и я совершенно точно не успею на рейс в Прагу, парампампам его так распарампампампам!

Бортовое радио металлизированным голосом фройляйн стюардессы озвучило объявление на языке Шиллера и Гете, которого я не знаю, но чуткое ухо дипломированного филолога уловило слово «Прааг».

Что, что там про Прагу?!

— Пассажиры, следующие транзитными рейсами в Прагу, Париж и Брюссель, подойдите к представителю аэропорта у трапа, — повторила железная фройляйн по-английски.

Язык Шекспира и Диккенса я знаю слабо и разговариваю на нем с монголо-татарским акцентом и только в случае крайней необходимости, предпочитая лишний раз не позориться. Но понимаю почти все, как та собака из анекдота.

«Фас! — отдал мне мой внутренний голос команду, понятную любой собаке. — Взять этого представителя аэропорта!»

Я энергично протолкалась к выходу, некультурно вонзая локти в бока куда менее торопливых пассажиров и автоматически извиняясь на разных языках:

— Сорри... Простите... Извините, пшепрашам, меа кульпа, миль пардон, мадамы и господамы!

Что-то не то я говорила, но меня тоже нужно было понять и простить — я ужасно нервничала.

Фройляйн проводница любезно мне улыбнулась. Я подарила ей незабываемый сверкающий оскал в стиле «вампиленыш на тропе войны» и с грохотом скатилась по ступенькам трапа к сотруднику аэропорта — тетеньке в оранжевом жилете.

На моей родине такие яркие апельсиновые тулурки носят дорожные рабочие, но австрийская тетенька держала в руках не совковую лопату, а планшет с трепещущей бумажкой. Свободной рукой она направляла в микроавтобус тех пассажиров, которые знали пароль: «Прага», «Париж», «Брюссель».

— Прага! — гаркнула я, стукнув себя в грудь кулаком с зажатым в нем посадочным талоном.

Тетенька кивнула, оторвала от моего талона купон и подтолкнула меня к микроавтобусу.

Фу-у-у-уххх... Глядишь, еще успею!

Дяденька, на полу пальто которого я приземлилась в машине, вежливо пробурчал мне что-то успокаивающее, я слабо улыбнулась и мысленно призвала тетку в жилетке поторопиться. Наконец она уловила мои нервные телепатемы, запрыгнула за руль, и микроавтобус резво помчался к зданию аэровокзала.

— Парампампам, пам-пам, пам-пам, — нервными часиками затыкал мой внутренний голос, пока я гипнотизировала напряженным взглядом приближающиеся раздвижные двери.

— Паспортный контроль, — объяснила оранжевая тетя, подводя нашу маленькую группу опаздывающих торопыг к пограничной будке на две каморки.

В одной сидела женщина, в другой мужчина.

«К мужику иди, они к бабам добрее», — торопливо посоветовал мне внутренний голос.

Как будто я этого не знала!

Я когда-то работала в школе, где коллектив почти сплошь женский, и прекрасно знаю, как нетерпимы друг к другу дамы. Единственный случай, когда я предпочитаю обращаться за помощью не к мужчине, а к женщине, — визит к гинекологу.

В данном случае раздевание мне вроде бы не грозило, и я смело протянула свою краснокожую российскую паспортину молодому человеку в форме.

Роковая ошибка!

Я успела подумать, что у служивого чуткие пальцы пианиста и неприятно въедливый взгляд троллейбусного контролера, и тут же услышала:

— Их пасс ист нихт гюльтиг!

«Какой, на фиг, гюльфиг?!» — сварливо озадачился мой внутренний голос.

А я, кажется, внезапно стала понимать немецкий!

— Как это — паспорт недействителен? Он до четвертого февраля! — парировала я по-русски, тыча пальцем в соответствующие циферки в документе.

Полицай-пианист-контролер покачал головой:

— Драй монате!

«Какие, на фиг, манатки?!» — запаниковал мой внутренний голос, ни разу не шпрехен зи дойч.

А я поняла: въедливый юноша обнаружил, что мой загранпаспорт заканчивается раньше чем через три месяца.

По правде говоря, он заканчивался куда раньше чем через три месяца — уже через неделю после моего возвращения из поездки. Но визу-то мне дали, значит, это не такое уж важное условие!

Во всяком случае, в турагентстве, которое срочно за немалые денежки сделало мне эту визу, меня уверяли, что проблем со въездом в Шенгенскую зону у меня не возникнет.

— Но у меня же есть виза, вот!

Я ловко перевернула страничку и продемонстрировала въедливому юноше зелененькую нашлепку за подписью атташе Константиноса Ксенидиса.

Ну да, это атташе консульства Греции, но какая разница? Шенгенская виза есть шенгенская виза, уверяли меня в турагентстве.

— Гречиш визум? Унмёглих! — Несговорчивый полицейский не перестал мотать головой, при

этом амплитуда качаний заметно увеличилась. — Нихт! Нихт!

«Правильно в Австрии обращаются к местным полицейским — «хер полицай», очень подходит им это ругательное название!» — злобно молвил мой внутренний голос.

— Хер полицай! — сказала я с чувством. — Ай маст ту би ин Праг! Ит из вери, вери импотент!

— Нихт!

«Вот же импотент чертов», — выругался мой внутренний голос.

Хер полицай добавил к упражнению для шейного отдела позвоночника взмах рукой, и нетерпеливо дожидавшаяся меня тетя в жилете поспешно убежала.

Раздвижные двери сомкнулись за ней и группой счастливых, благополучно продолжающих свои путешествия.

«А вас, Штирлиц, я попрошу остаться», — на-пророчил мой внутренний голос.

Въедливый полицейский юноша покинул свою кабинку и поманил меня за собой.

«А ведь говорили тебе, что ничего хорошего из этой затеи не получится», — хныкал мой внутренний голос, пока я брела за полицейским юношей секретными тропами, где не ступала нога добропорядочного пассажира.

Мы пришли в помещение, где было довольно много народа: с десятков граждан в пестрых одеждах с чемоданами и детьми — и человек пять в такой же черной форме, как у моего сопровождающего.

«Это кутузка?!» — ужаснулся мой внутренний голос.

— Всего лишь полицейский участок, — пробормотала я, тщетно стараясь успокоиться.

В полицейском участке — или как называется это милое место? — меня приземлили на свободный стульчик. Рядом резвились детишки — девочка в розовом балахоне и мальчик в спортивном костюме и странном головном уборе из платка или шарфа, свернутого в тугую шапочку с узлом-помпоном на макушке.

Интересно, что это за этнический чепец?

— О своей голове подумай, идиотка! Требуй адвоката! — сварливо посоветовал внутренний голос.

— Какого адвоката? Нет у меня никакого адвоката! — сердито прошептала я.

— А зря! — припечатал внутренний голос.

Тут я с ним поспорить не могла, адвокат бы мне сейчас весьма пригодился.

Мысленно я просмотрела списки друзей и знакомых, но адвоката вспомнила всего одного. Это мой бывший одноклассник, безответная любовь моих школьных лет, ныне скучноватый лысоватый доктор юридических наук, проживающий в далекой Тюмени. Сомневаюсь, что он с готовностью придет мне на помощь за тридевять земель в... (тут я посмотрела на часы) половине седьмого вечера по венскому времени. В Тюмени-то уже глухая ночь!

Я опять посмотрела на часы: ох, уже без четверти семь!

Последний на сегодня рейс на Прагу улетает через час, и не похоже, чтобы со мной на борту!

23 января, 18.15

«Плох тот стажер, который не мечтает стать генералом», — регулярно внушала Якобу Шперлингу его любящая муттер.

До того, как ее единственный сын поступил на службу в полицию, фрау Шперлинг внушала отпрыску, что плох тот школьник, который не мечтает стать профессором, и тот музыкант, который не мечтает концертировать с Венским филармоническим оркестром, однако в искусстве и науке карьера у Якоба не сложилась. Не хватило усидчивости, дотошности и похвального внимания к мельчайшим деталям, а также объема памяти, в которую упорно не помещались просторные скучные тексты и нотные партитуры.

Увы, и до высокого генеральского звания стажеру Шперлингу было почти так же далеко, как до полной луны, каковую он и созерцал рассеянным взором поверх монитора в окне над летным полем.

Желтый круг ночного светила то и дело пересекали темные силуэты взлетающих лайнеров. Якоб Шперлинг мечтал вознестись к высотам власти столь же стремительно и неудержимо, как самолет. Он даже придумал уже, каким образом может ускорить свой подъем на следующую ступеньку карьерной лестницы: поймать шпиона или обезвредить террориста — всего-то делов!

Главный аэропорт Австрийской Республики ежедневно пропускал десятки тысяч пассажиров. Несомненно, шпионы и террористы среди них имелись, однако выявить их удавалось нечасто.

Тем не менее совсем недавно сотрудники полиции аэропорта Швехат задержали турецкую пару, пытавшуюся провезти в багаже пулемет и боеприпасы к нему.

К несчастью для Якоба, в тот день у него был выходной, и под раздачу наград и поощрений он закономерно не попал.

Однако международная обстановка становилась все напряженнее, в террористы и шпионы перекалифицировались даже управдомы и домохозяйки, каковая тенденция позволяла стажеру Шперлингу твердо рассчитывать на свою долю улова.

Подозрительную расхристанную дамочку Якоб выделил из группы респектабельных мужчин моментально.

У растрепанной блондинки был взбудораженный вид зайчонка, стремительно летящего над морковными грядками параллельно ружейным залпам. Даже стоя на одном месте, белокурая дамочка перебирала ногами, судорожно прижимала к боку сумку, краснела, бледнела и нервно подергивалась.

Шпионы себя так не ведут, а вот одноразовые террористки в дикой ажитации — очень даже запросто.

— Так-так! — сказал себе Якоб Шперлинг, по барабанив по стойке будки паспортного контроля, в которой он скучал уже третий час, нервными пальцами несостоявшегося пианиста.

Подозрительная блондинка тем временем забросила в окошко будки свой паспорт, и сердце Якоба взволнованно пропустило удар: документик был российский!

А виза в паспорте гражданочки РФ была оформлена с нарушениями правил!

Якоб понял, что ему повезло.

Похолодание международной обстановки перевело Россию в число стран, недружественных просвещенной Европе. Барьеры, возведенные на путях миграции в Шенгенскую зону русских медведей и медведиц, подросли и окрепли. Впрочем, даже сейчас кто-нибудь другой — не зоркий сокол Шперлинг — вполне мог закрыть глаза на небольшое нарушение в оформлении визы...

Якоб был суров.

Он вышел из будочки и поманил блондиночку за собой.

Если ему очень повезет, глядишь, у нее в багаже и пулеметик найдется...

Мысленно проделывая в форменной рубашке дырочку для ордена, Шперлинг повел задержанную в дежурку.

— Что еще, Якоб? — Инспектор Пауль Пихтер не обратил внимания на мечтательную улыбку подчиненного и запросил информацию.

— Русская, проблема с визой, — коротко ответил Якоб, садясь за компьютер.

Определенно имело смысл поискать эту гражданочку в полицейской базе данных.

23 января, 18.46

Дзинь!

Пришло сообщение от Коляна: «Кыся, сын спрятал дневник. Скажи, чтобы дал мне на проверку!»

23 января, 18.47

Отправила сыну сообщение: «Коляша, дай папе дневник на проверку!»

23 января, 18.48

Дзинь!

Пришел ответ от сына: «Зачем?! Если мы будем доверять друг другу, мир станет лучше!»

Хм, кто бы это австрийским полицейским объяснил?

23 января, 18.50

Из штатских в участке осталась я одна. Стало тихо и скучно.

Почему я все еще здесь? Меня арестовали?

Колян меня убьет...

Это все было так ужасно, что я решила немедленно описать свои чувства. И мысли. Ладно, и факты тоже.

23 января, 18.55

— Леди? Леди?

Я перестала в диком темпе колотить пальчиками по сенсорному экрану и подняла голову:

— А?

Перед моим затуманенным взором оформилась озабоченная физиономия.

Это кто?

Ах да, это мой же въедливый юноша, пианист-полицейский-пограничник...

Я снова перевела взгляд на экран айпэда.

Может, назвать его не просто въедливым, а жутко назойливым и даже нечеловечески вредным? В конце концов, мой текст — это моя реальность, что хочу, то и творю...

— Леди?

— Леди-медведи! Ну ладно.

Я захлопнула обложку планшета и всем своим видом изобразила внимание.

Юноша выдал длинную фразу на немецком.

— Не понимаю, — я покачала головой. — Но если вас беспокоит тот факт, что я не рыдаю, не бьюсь головой о стены, а просто строчу как сумасшедшая новый иронический детектив, то это вовсе не потому, что я не понимаю драматизма ситуации. Я его понимаю!

Юноша снова заговорил по-немецки.

— Вас не понимаю, а драматизм понимаю, — уточнила я. — Но и вы меня, пожалуйста, поймите: я журналист, я писатель, я не могу не писать, особенно когда есть интересная тема, а сейчас она у меня есть, это очевидно. Что, вы меня тоже не понимаете?

Я вздохнула и перешла на монголо-татарский инглиш:

— Ай эм а джорналист энд райтер! Фэймост рашен райтер! Мэни интрестинг букс!

— Джорналист энд райтер? — В голосе «юноши» отчетливо прозвучало недоверие.

Очевидно, на сумасшедшую я походила много больше, чем на журналиста и писателя.

Я еще раз вздохнула.